

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

БЛОНДИНКА ИЩЕТ
СЧАСТЬЕ

Сергей Патрушев

Блондинка ищет счастье

«Автор»

2026

Патрушев С.

Блондинка ищет счастье / С. Патрушев — «Автор», 2026

Блондинка Ариша Шихова — красивая, богатая и бесконечно одинокая. Парни видят в ней только дорогое тело, отец дарит золотые ожерелья вместо любви, а мать ушла так давно, что её голос остался только в ночных кошмарах. Ариша ищет настоящее счастье — то, которое не купишь за деньги. Однажды, промокнув под дождём, она встречает Даню — простого строителя с мозолистыми руками и молчаливым сердцем. Он единственный, кто смотрит ей в глаза, а не на бренды. Но сможет ли Ариша отказаться от привычной роскоши? Сможет ли Даня поверить, что его полюбили не за что-то, а просто так? Вместе им предстоит пройти через ложь и правду, ссоры и примирения, золотые монеты и вещие сны. Эта история — не о деньгах. Она о том, что счастье не в бриллиантах, а в треснутой кружке, из которой вы пьёте кофе на двоих. О том, что любовь — это не танец при свечах, а умение держать за руку, даже когда темно. О том, что самая большая роскошь — быть собой.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Блондинка ищет счастье

Глава 1.

Ариша Шихова стояла перед огромным зеркальным полотном витрины дорогого бутика на Тверской и смотрела на себя так, будто видела впервые. Светлые, почти белые волосы, уложенные в крупные локоны, тяжелым золотым водопадом спадали на оголенные плечи – она специально выбрала платье с открытой линией декольте, потому что Кирилл любил, когда есть на что посмотреть. Тонкая ткань нежно-голубого шелка облегла каждый изгиб ее тела, подчеркивая тонкую талию, округлые бедра и длинные, идеально ровные ноги, которые она скрестила от напряжения. На запястье тихо позвякивал браслет от Cartier – подарок отца на двадцатилетие, а в сумочке Hermès лежала помада цвета «вишневый пирог» и почти полная пачка антидепрессантов, которые она пила уже второй месяц. Ариша медленно провела пальцами – длинными, с безупречным френчем – по своей ключице и задержала дыхание. В отражении на нее смотрела красивая кукла. Дорогая. Ухоженная. Идеальная. И абсолютно пустая внутри.

Она резко выдохнула, и стекло слегка запотело от ее дыхания. Пальцы задрожали, и она сжала их в кулак, чувствуя, как ногти впиваются в мягкую кожу ладони – острая, почти приятная боль помогла не разреветься прямо здесь, среди витрин с бриллиантами и вечерних прохожих, которые косились на нее с любопытством: красивая девушка плачет у бутика, наверное, очередная ссора с мажором. «Блондинка ищет счастье», – пронеслось в голове. Название книги, которую она вчера случайно увидела в руках у девушки в метро – она часто ездит на метро, потому что любит смотреть на обычных людей, на их живые, настоящие лица, без ботокса и филлеров. Тогда она даже усмехнулась про себя: вот идеальный заголовок для ее биографии. Только вот в той книге, наверное, был хэппи-энд, а в ее реальности – бесконечная, выматывающая роль дурочки с деньгами.

Она вспомнила, как Кирилл час назад сидел напротив в ресторане с видом человека, который уже все решил. Высокий, с идеальной укладкой, в пиджаке от Brioni, он разливал дорогое вино и говорил, говорил, говорил – о своей новой яхте, о том, как удачно вложил деньги в крипту, о том, что его бывшая теперь жалеет, что бросила его. Ариша кивала, машинально накручивая на палец локон, и чувствовала, как внутри разрастается тяжелая, тошнотворная пустота. Она попыталась заговорить о своем – о том, как ей приснился странный сон про белую лошадь, которая бежала по пустынному пляжу, и как ей хочется когда-нибудь проснуться рядом с человеком, который спросит: «И что тебе приснилось?» – и будет слушать. Но Кирилл даже не поднял головы от телефона. «Зачем тебе, зайка? Твое дело – быть красивой. И помалкивать. Красивые блондинки не грузят мужчин своими снами, детка», – сказал он, лениво погладив ее по голому плечу, и его пальцы скользнули ниже, к краю платья – собственнически, привычно, как трогают новую сумку или машину.

И тогда что-то щелкнуло. Ариша почувствовала, как кровь прилила к лицу – не от смущения, от ярости. Медленно, почти торжественно, она поставила бокал с красным вином на стол, взяла свою клатч, и, даже не попрощавшись, встала. Каблуки – десятисантиметровые «лодочки» от Christian Louboutin – глухо ударили по паркету: раз, два, три. Она шла не быстро, не медленно, а так, как ходят женщины, которые приняли решение окончательно и бесповоротно. Кирилл что-то крикнул вслед – кажется, «ты что, сдурела?» или «вернись, дура», – но она не обернулась. За стеклянными дверями ресторана ее встретил влажный летний вечер,

пахнувший асфальтом и свободой. Она сделала глубокий вдох – такой глубокий, что заболело в груди, и пошла вперед, сама не зная куда.

Ветер трепал ее волосы, и она не поправляла их. Первый раз за долгое время она позволила себе выглядеть неидеально. Она шла по Тверской, не глядя по сторонам, сжимая в потной ладони ремешок сумочки, и думала о том, как страшно быть красивой. Как страшно, когда твое тело становится твоей тюрьмой. Как страшно, когда мужчины смотрят на тебя и видят только грудь, бедра, губы – набор деталей, а не человека, который боится темноты, который плачет под старые песни Земфиры, который мечтает родить двоих детей и рисовать с ними солнечные зайчики на асфальте. Она почувствовала, как к горлу подкатил комок, и зажмурилась, пытаясь сдержать слезы – бесполезно, горячие капли уже потекли по щекам, размазывая тушь.

И тут небо раскрылось. Сначала одна тяжелая капля упала ей на лоб, потом вторая на ресницы, а через секунду летний ливень обрушился на город всей своей мощью. Ариша замерла на месте, подняла лицо к небу, и по ее коже – по щекам, шее, плечам – застучали тысячи холодных игл. Она не побежала искать укрытие. Она стояла под этим ливнем и чувствовала, как дорогой шелк платья намокает, становится тяжелым, липнет к телу, как волосы превращаются в мокрые сосульки, как тушь течет по лицу черными ручьями. И ей вдруг стало легко. Впервые за долгое время – легко. Она даже засмеялась – горько, надрывно, почти истерично, и смех этот заглушил шум дождя.

Только когда она совсем промокла до нитки и начала стучать зубами от холода, она заметила маленький козырек у входа в закрытую кофейню и торопливо забежала туда, поскользнувшись на мокром асфальте. Ее каблук предательски вильнул, и она взмахнула руками, теряя равновесие – сердце ухнуло вниз, в животе похолодело от страха, что сейчас она упадет, разобьет колени, порвет платье, и это станет финальным унижением в и без того паршивый день.

В ту же секунду чья-то рука – сильная, горячая, шершавая – схватила ее за локоть. Не за плечо, не за талию, а именно за локоть, и так крепко, что пальцы, сжимающие ее, оставили следы. «Девушка, осторожнее, тут ступенька», – услышала она низкий, хрипловатый голос, в котором не было ни насмешки, ни привычного мужского превосходства. Ариша резко обернулась и подняла глаза. Перед ней стоял парень в простой белой футболке, насквозь мокрой, прилипшей к широким плечам. Темные волосы, мокрые тоже, свисали на лоб. И он не улыбался. Он смотрел на нее – прямо в глаза, мимо мокрого платья, мимо дорогой сумочки, мимо браслета, – и в его взгляде не было ни капли желания или оценки. Только спокойное, взрослое беспокойство.

«Вы плачете или это дождь?» – спросил он, и в его голосе прозвучало что-то такое, отчего у Ариши перехватило дыхание. Она не смогла ответить. Она просто стояла, промокая до нитки, с размазанной тушью по щекам, дрожащая, несчастная, без маски и без защиты, и впервые за очень долгое время чувствовала себя не куклой, а живым человеком. И ей безумно хотелось, чтобы он не уходил.

Глава 2.

Ариша не помнила, как оказалась в его машине. Просто вдруг перестала дрожать от холода, потому что на ее плечи легла чужая куртка – простая джинсовка, пахнущая табаком и дождем, и этот запах показался ей самым правильным в мире. Она сидела на пассажирском сиденье старого, но ухоженного «Фольксвагена», сжимая в пальцах бумажный стаканчик с горячим кофе, который он купил в круглосуточной закусочной через дорогу. Имя его оказа-

лось Даня. Даня без отчества, просто Даня, и он не спросил у нее, кто она и сколько у нее денег, а просто протянул кофе и сказал: «Пей, обогреешься». Она пила и смотрела, как его руки – обкусанными ногтями и старой татуировкой на запястье, кажется, компасом – уверенно крутят руль. И внутри нее поднималось что-то огромное, пугающее, похожее на первую влюбленность в четырнадцать лет, когда каждое слово казалось стихом.

Он не спросил, куда ее везти. Он просто повез ее к себе – в маленькую студию на окраине, где из мебели были только диван, продавленный книжный шкаф и гитара в углу. Ариша, привыкшая к мраморным полам и высоте потолков в четыре метра, вдруг почувствовала, что этот крошечный, тесный мир пахнет свободой. Она стояла босиком на линолеуме – каблук она скинула еще в машине, – кутаясь в его клетчатый плед, и смотрела, как он разжигает газовую плиту, чтобы вскипятить чайник. Он двигался медленно, без суеты, и в этом было что-то гипнотическое. «Ты красивая, – вдруг сказал он, не оборачиваясь. – Но не поэтому я позвал тебя. Я позвал, потому что ты стояла под дождем и плакала, а плакать в одиночестве – это самая грустная вещь на свете». У Ариши подкосились колени. Она села прямо на пол, прижав плед к груди, и заплакала снова – но теперь уже не от боли, а от облегчения.

Они проговорили до трех ночи. Она рассказывала ему про отца, который дарил ей машины, но не помнил, на какой она учится курсе института. Про мать, которая ушла к любовнику, когда Арише было двенадцать, и теперь присылала открытки только на Новый год. Про парней, которые водили ее в самые дорогие рестораны, а потом шептались подругам: «Подумаешь, красивая дура, с такими деньгами любой бы». Даня слушал. Не перебивал, не давал советов, не гладил по коленке с дежурным «всё наладится». Он просто сидел напротив, поджав одну ногу под себя, и смотрел на нее так, будто каждое ее слово было важным документом, который нужно запомнить наизусть. А потом она заметила его руки – не только татуировку в виде компаса, но и мозоли на ладонях, и длинный белый шрам на указательном пальце. «Я работаю на стройке, – ответил он на незадаанный вопрос. – И учусь заочно на архитектора. Денег мало, зато совесть чистая». Он усмехнулся, но в глазах у него была сталь – не показная, а настоящая, выстраданная.

Утром Ариша проснулась на его диване, укрытая пледом и его джинсовкой, и первую секунду не понимала, где находится. Пахло жареным хлебом и кофе. Даня стоял у плиты в растянутой футболке и переворачивал яичницу. Свет падал на его затылок, и она вдруг увидела, какие у него светлые, почти выгоревшие на солнце кончики волос. «Ты мне снилась, – сказал он, не оборачиваясь. – Белая лошадь на пляже. Ты бежала за ней босиком и смеялась». У нее замерло сердце. Она не рассказывала ему про свой сон. Никогда. И тут телефон, лежащий на полу рядом с сумочкой, завибрировал так сильно, что запрыгал по линолеуму. Сорок семь пропущенных. Двадцать три смс. Пять от отца, остальные от Кирилла. Ариша разблокировала экран и прочитала последнее сообщение от бывшего ухажера: «Ты пожалеешь, дура. Никто не будет любить тебя просто так. Ты – это только деньги и красивое лицо. Без папиного счета ты никто. Посмотрим, как быстро этот строитель сбежит, когда узнает, сколько стоит твоя сумочка».

Она замерла. В горле пересохло. Она медленно подняла глаза на Даню – он стоял к ней спиной и наливал кофе в две кружки, одна из которых была треснутая, синяя, с отбитым краем. И вдруг Аришу накрыло ледяной волной стыда. А что, если он прав? Что, если этот парень со странными глазами и честными руками тоже в итоге увидит в ней только кошелек? Она схватила телефон так, что побелели костяшки пальцев. Она может сейчас встать, надеть свои туфли за тысячу долларов, вызвать такси и вернуться в свою квартиру с панорамными окнами, где никто

не спросит, что ей снилось. Или она может остаться. Остаться здесь, в этой крошечной студии, где нет даже нормальной кофеварки, но есть человек, который смотрит на нее не как на вещь. Она посмотрела на свою сумочку Hermès, валяющуюся на полу рядом с его кедами с дыркой на носке. Деньги. Или любовь? Она не знала ответа. Но когда Даня обернулся и молча протянул ей треснутую кружку, глядя прямо в глаза – без улыбки, без напора, просто с вопросом: «Ты со мной?» – Ариша сделала глоток. Кофе оказался горьким, слишком горячим и самым вкусным в ее жизни.

Глава 3.

Прошла неделя. Неделя, за которую Ариша Шихова впервые в жизни сама мыла посуду, стоя босиком на кухне с линолеумом, и не разбила ни одной тарелки. Она не надевала макияж, не укладывала волосы, ходила в растянутой футболке Дани и чувствовала себя так, будто с нее сняли гипс, в котором она провела двадцать три года. Но внутри, где-то глубоко в груди, под ребрами, жил холодный червячок сомнения. Он просыпался по ночам, когда Даня спал рядом, его тяжелая рука лежала на ее талии, а дыхание было ровным и спокойным. Тогда Ариша открывала глаза, смотрела в потолок с желтым пятном от протечки и думала: «А что, если он все-таки узнает?»

Отец звонил каждый день. Сначала требовал вернуться домой, потом угрожал отключить карты, потом плакал – первый раз в жизни Ариша слышала, как сильный, властный мужчина, построивший нефтяную империю, всхлипывает в трубку. «Дочка, он тебя использует. Все эти нищие только и ждут, чтобы примазаться к нашему кошельку. Очнись, он же даже не знает, кто ты!» И это было правдой. Даня не знал. Он знал только, что ее зовут Ариша, что она любит джаз и боится грозы, что у нее есть папа, с которым она почти не разговаривает, и что она почему-то плакала под дождем в центре Москвы. Он не знал про квартиру на Патриках, про счет в швейцарском банке, про то, что ее сумочка стоит как его зарплата за полгода. И Ариша молчала. Каждый раз, когда она открывала рот, чтобы сказать правду, в горле вставал ком. Ей казалось, что как только Даня узнает – все рухнет. Он посмотрит на нее другими глазами. Теми самыми – которые видят только блондинку с деньгами.

Сегодня они сидели на крыше его дома – старой девятиэтажки с облупившейся краской и запахом кошек в подъезде. Даня курил, выпуская кольца дыма в августовское небо, а Ариша сидела рядом, обхватив колени руками, и смотрела на огни города. Москва внизу кипела, переливалась миллионами окон, и ей вдруг показалось, что оттуда, сверху, все люди одинаковые – нет ни богатых, ни бедных, только светящиеся точки, которые кто-то зажег, а кто-то забыл погасить. «Ты чего молчишь?» – спросил Даня, стряхивая пепел. Она пожала плечами, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. «Дань, а если бы я была не такой, как ты думаешь? Если бы я была... ну, другой?» Он повернул голову и посмотрел на нее долгим, тяжелым взглядом. В свете уличных фонарей его глаза казались черными, бездонными. «Ты о чем?» – спросил он тихо. Она хотела сказать. Честно хотела. Открыла рот, но вместо этого выдохнула: «Ни о чем. Просто мысли вслух».

А потом случилось то, чего она боялась больше всего. В пятницу вечером, когда Даня ушел в душ, ее телефон зазвонил снова. На экране высветилось имя «Кирилл». Она сбросила, но через минуту пришло сообщение: «Видел твоего строителя. Интересно, он знает, с кем спит? Или ты ему тоже врешь, что ты простая? Скинуть ему ссылку на статью про твоего папашу?» Ариша похолодела. Пальцы задрожали, она хотела ответить, что-то написать, но вместо этого просто выключила телефон и засунула его под подушку. Она лежала на диване, прижимая колени к животу, и чувствовала, как паника поднимается из живота в грудь, из груди

в горло, сжимая его железными тисками. Она не заметила, как Даня вышел из душа. Не заметила, как он вытер волосы полотенцем и сел рядом на край дивана. Заметила только, когда он взял ее за руку – его пальцы были горячими, шершавыми, живыми. «Ариш, – сказал он очень тихо, – у тебя дрожат руки. Скажи мне, что случилось. Не молчи. Я чувствую, ты что-то прячешь уже который день. Я не уйду. Что бы это ни было – я не уйду».

Она посмотрела на него. Влажные волосы падают на лоб, на щетине блестят капли воды, а в глазах – не злость, не любопытство, не страх потерять что-то материальное. В его глазах была боль. Боль от того, что ее боль он не может разделить, потому что она не пускает его внутрь. И в этот момент Ариша поняла одну вещь, которую не понимала никогда раньше. Любовь – это не когда тебя целуют в ресторане при свечах и дарят бриллианты. Любовь – это когда человек сидит на продавленном диване в мокрых волосах и говорит: «Что бы это ни было, я не уйду». И не важно, знает он про деньги или нет. Важно то, что он готов остаться, даже не зная самого страшного. Она глубоко вздохнула, чувствуя, как слезы жгут глаза, и выдохнула так, будто сбрасывала с плеч десятитонный груз. «Дань, – начала она и запнулась, – мой отец... он очень богатый человек. Очень. А я... я не та, за кого себя выдаю. У меня есть квартира, счета, машины. Я врала тебе каждую секунду, что мы вместе. И сейчас ты, наверное, возненавидишь меня...»

Она не договорила. Потому что он прижал ее к себе так сильно, что затрещали ребра, и уткнулся лицом в ее макушку. И она почувствовала, как его плечи дрожат – странно, огромный, сильный Даня, который таскает на стройке мешки с цементом, дрожал мелкой дрожью. «Дура, – прошептал он в ее волосы. – Какая же ты дура, Ариша. Я уже понял, кто ты, в первый же день. Твои туфли стоят как моя машина, у тебя руки, которые никогда не знали работы, и ты смотришь на линолеум так, будто это мрамор. Я не слепой. Но я ждал, когда ты сама скажешь. Потому что любовь – это не про деньги. И не про правду даже. Любовь – это про то, что я все знаю и все равно остаюсь».

Ариша разрыдалась в голос – громко, захлеб, как маленькая девочка, которой наконец разрешили быть слабой. Она билась в его руках, колотила кулаками по его груди, кричала что-то невнятное про то, что боялась, про Кирилла, про отца, про то, что все мужчины в ее жизни видели только кошелек. А он держал ее и молчал. Только гладил по голове, по этим вечно идеальным, а теперь спутанным волосам, и шептал: «Тихо, маленькая. Тихо. Я вижу тебя. Не кошелек. Не тело. Тебя. И никуда я не денусь».

Они просидели так до самого утра. Когда взошло солнце – тусклое, московское, пробирающееся сквозь грязные окна, – Ариша наконец успокоилась. Она лежала у него на груди, слушала, как бьется его сердце – ровно, сильно, надежно – и впервые за много лет чувствовала себя дома. Не в квартире с панорамными окнами. А здесь, в этой тесной студии, где пахнет табаком и дешевым кофе, и где ее любят не за что-то, а вопреки всему. Она закрыла глаза и улыбнулась. И в этой улыбке не было ни грамма фальши – только облегчение, только тихая, огромная благодарность за то, что он оказался именно таким. И за то, что она наконец решилась открыть свое сердце – без прикрас, без масок, без бриллиантов. Просто так. Потому что любовь, настоящая любовь, не требует ничего, кроме смелости быть настоящей.

Глава 4.

Ариша проснулась от того, что не могла дышать. В груди будто застрял тяжелый, горячий камень, а сердце колотилось где-то в горле с такой силой, что звенело в ушах. Она резко села на диване, хватая ртом воздух, и несколько секунд смотрела перед собой ничего не видящими

глазами. Рядом мирно спал Даня – его лицо было расслабленным, беззащитным, одна рука свесилась с дивана, другая лежала на ее подушке, там, где только что была ее голова. В комнате пахло утренней прохладой и старыми книгами. Но Аришу трясло. Потому что ей снова приснился тот сон. Белая лошадь на пустынном пляже. Только теперь лошадь не бежала вдаль, а лежала на боку, тяжело дыша, и в ее огромном черном глазу отражалось небо – серое, низкое, готовое разразиться грозой. Ариша бежала к ней босиком по холодному песку, но каждый шаг давался все труднее – ноги увязали, песок тянул вниз, а когда она наконец упала на колени рядом с лошады и протянула руку, чтобы погладить ее морду, животное вдруг открыло рот и заговорило человеческим голосом. Голосом матери. Той самой, которая ушла, когда Арише было двенадцать, и не пришла даже на выпускной. «Ты думаешь, он останется? – прошептала лошадь губами, влажными и теплыми. – Ты думаешь, любовь бывает просто так? Он уйдет, как ушел твой отец от меня. Как уйду я от тебя каждый день. Никто не остается, Ариша. Никто».

Она сидела на краю дивана, обхватив себя руками, и раскачивалась вперед-назад – так она делала в детстве, когда оставалась одна в огромной пустой квартире, а няня запирала ее в комнате и уходила курить на лестничную клетку. Ей было страшно. Не от того, что приснилась мать, – от той правды, которая прозвучала в голосе лошади. Правды, которую Ариша носила в себе годами: она не верила, что ее можно любить просто так. Без денег. Без красивого лица. Без статуса. Каждый мужчина, который к ней подходил, был для нее сначала подозреваемым – что ему нужно? Тело? Деньги? Связи отца? И даже Даня, который уже доказал, что он другой, даже он – что, если это только начало? Что, если через месяц, через год он устанет от ее слез, от ее страхов, от ее привычки заказывать такси, когда можно пройти пешком, и покупать кофе за четыреста рублей, когда можно заварить дома? Что, если он однажды утром просто встанет, молча оденется и выйдет за дверь, не оглянувшись?

Она встала, стараясь не шуметь, и на цыпочках прошла на кухню. Пол под ногами был ледяным, и она пожалела, что не надела носки – Даня всегда говорил ей: «Надень носки, дурочка, простынешь», – и она всегда не слушалась, потому что любила чувствовать холод. Налила в чайник воды, поставила на плиту и замерла, глядя на маленькое окошко, за которым постепенно светлело небо. Август подходил к концу, и по ночам уже чувствовалась осень – сырая, тревожная, пахнущая увядающими листьями и предчувствием перемен. Она вспомнила, что мать ушла именно в августе. Тринадцать лет назад, но Ариша помнила каждую деталь: запах маминых духов, оставшийся на подушке, красный чемодан, который тащил к лифту незнакомый дядя, и то, как хлопнула входная дверь – не громко, даже буднично, как будто мама вышла в магазин за хлебом. Но она не вернулась. И с тех пор каждый август Ариша ждала повторения. Ждала, что кто-то, кого она полюбит, просто возьмет и уйдет.

– Ты чего не спишь? – раздался сзади сонный голос. Она вздрогнула и обернулась. Даня стоял в дверях кухни, в одних спортивных штанах, с взлохмаченными волосами и заспанными глазами. Он выглядел смешным, нелепым, абсолютно не героическим – и от этого еще более родным. – Кошмар приснился? – спросил он, подходя ближе и кладя руки ей на плечи. Ариша кивнула, чувствуя, как его тепло разливается по телу, прогоняя утреннюю дрожь. – Рассказывай, – коротко сказал он, как всегда – без лишних слов.

Она рассказала. Все. Про белую лошадь, про голос матери, про то, что мать сказала. И про то, что она боится – каждую секунду, каждый день, каждый раз, когда он задерживается на работе или не отвечает на сообщение сразу, – что он уйдет. Что однажды увидит в ней то, что видели все остальные, и разлюбит. Что она недостойна настоящей любви, потому что даже родная мать не смогла ее любить, так зачем это делать чужому человеку? Она говорила и

плакала – тихо, без всхлипов, просто слезы текли по щекам, и она не вытирала их, потому что устала притворяться сильной. А Даня молчал. Долго молчал. Так долго, что она испугалась – не переборщила ли, не показалась ли ему слишком сложной, слишком сломанной, слишком тяжелой для такой простой жизни, как у него.

А потом он взял ее за руку и положил ее ладонь себе на грудь, туда, где билось сердце. Оно стучало ровно, сильно, спокойно. «Чувствуешь? – спросил он. – Оно бьется. И оно бьется для тебя. Не потому, что ты богатая. Не потому, что красивая. А потому что ты – это ты. Со своими снами, страхами, слезами. Я не знаю, что там твоя мать тебе наговорила во сне. Но я здесь. Я живой. Я не ухожу. И чтобы ты ни приснилась себе – это всего лишь сон. А я – реальность». Он накрыл ее ладонь своей – шершавой, мозолистой, теплой – и сжал. «И запомни, – добавил он тихо, почти шепотом, – любовь не заканчивается в августе. И матери не всегда правы. Даже во сне».

Ариша закрыла глаза и почувствовала, как камень в груди начал медленно таять. Не исчез – она была слишком умной, чтобы верить в мгновенные исцеления. Но он стал меньше. Легче. И сквозь закрытые веки она вдруг увидела не темноту, а море. И белую лошадь, которая стояла на берегу, живая и здоровая, и смотрела на нее уже не черным пугающим глазом, а добрым, почти смеющимся. Лошадь кивнула ей, развернулась и поскакала по кромке прибоя – туда, где небо встречалось с водой, навстречу солнцу, которого еще не было, но которое обязательно должно было взойти. И Ариша улыбнулась сквозь слезы. Она поняла – сны не врут. Они просто показывают то, что мы боимся увидеть наяву. И если сегодня лошадь не умерла, а убежала к свету – значит, что-то меняется. Внутри нее. Внутри нее. И, может быть, в первый раз в жизни она позволила себе поверить в то, что счастье возможно. Не за деньги. Не за красивую внешность. А просто так. Потому что она есть. Потому что ее видят. Потому что рядом есть тот, кто держит ее за руку на тесной кухне и не боится ни ее снов, ни ее страхов, ни ее прошлого.

Глава 5.

Ариша никогда не думала, что окажется в библиотеке. Не в той модной, с кофейнями и пуфиками, куда заходят за красивыми фото, а в настоящей – пыльной, тихой, с высокими потолками и запахом вековой бумаги. Даня привел ее сюда утром, сказав только: «Мне нужно кое-что показать». Они шли по узким коридорам, мимо стеллажей, уходящих вверх до самого потолка, и Ариша чувствовала себя лилипутом в стране гигантских книг. Она поправила свою дорожную, но уже порядком поношенную футболку – Даня так и не вернул ей ее вещи, а она так и не попросила, – и украдкой посмотрела на него. Он шел впереди, уверенный, спокойный, и в этом его спокойствии было что-то древнее, как у человека, который знает то, чего не знают другие.

Они остановились перед тяжелой дубовой дверью в самом конце зала. Даня достал ключ – старый, ржавый, на потертом кожаном шнурке – и открыл замок с тихим щелчком, который эхом разнесся по пустой библиотеке. «Что здесь?» – спросила Ариша, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Вместо ответа он взял ее за руку и потянул внутрь. Это была маленькая комната, похожая на келью. Ни окон, ни лишней мебели – только стол, стул и стены, полностью заставленные старыми папками, коробками и свитками. В воздухе пахло плесенью, медом и еще чем-то неуловимым, отчего у Ариши закружилась голова. «Моя бабушка работала здесь всю жизнь, – тихо сказал Даня, проводя пальцами по корешкам папок. – Она была хранителем. Не библиотекарем – хранителем. Она собирала то, что люди не должны были забыть, но забыли. Истории. Сны. Тайны. Все, что человечество прячет в самый дальний угол своей души».

Ариша медленно прошла к столу. На нем лежала раскрытая тетрадь – старая, с пожелтевшими страницами и выцветшими чернилами. Она прочитала первые строки, и сердце пропустило удар: «Сегодня ко мне пришла девушка с белыми волосами. Она плакала, потому что видела во сне белую лошадь. Лошадь говорила голосом матери. Я сказала ей: не бойся своих снов, они – ключи к твоим дверям. Но она не поняла. И ушла. А я записала ее историю сюда, потому что она важная. Очень важная. Такие девушки меняют мир, сами того не зная». Ариша подняла глаза на Даню. Ее трясло. Не от страха – от узнавания. «Это про меня? – прошептала она. – Но я никогда здесь не была. Я никогда не видела твою бабушку». Даня сел на край стола и посмотрел на нее долгим, тяжелым взглядом. «Ты не была. Но твой сон был здесь. Понимаешь? Моя бабушка говорила, что сны не принадлежат тем, кто их видит. Сны – это нити. Они связывают всех людей. И если человеку снится одно и то же много раз – это не просто так. Это знак. Сообщение. Иногда – от самого себя. А иногда – от кого-то, кто давно ушел, но хочет что-то сказать».

Он встал, прошел к дальней стене и снял с полки тяжелую коробку, перевязанную бечевкой. Развязал узел. Внутри лежали сотни листков – разных, от клочков обоев до линованной бумаги из школьной тетради. На каждом был почерк. Разный – детский, старческий, мужской, женский, спешный и каллиграфически выверенный. «Здесь люди писали свои самые страшные тайны, – сказал Даня, перебирая листки. – Те, которые никогда никому не рассказывали. Бабушка находила их, уговаривала записать, обещала, что никто никогда не узнает. И они писали. Оставленные дети. Обманутые жены. Разоренные бизнесмены. Солдаты, вернувшиеся с войны. Умирающие старики. Все они думали, что их тайна умрет вместе с ними. Но бабушка сохранила каждую. Потому что, говорила она, пока тайна живет – жив и человек. Даже если его тело уже давно в земле».

Ариша взяла в руки один листок – мятый, с пятнами, похожими на слезы. Детский почерк, неровные буквы: «Я не люблю свою маму. Она меня бьет. Но я никому не скажу, потому что она сказала, что если я скажу, меня заберут в детдом, а там хуже». У Ариши перехватило дыхание. Она положила листок и взяла другой, уже взрослым почерком, почти каллиграфическим: «Я убил человека. Это была случайность. Я не хотел. Мне было семнадцать. Я скрыл тело. Никто не нашел. Живу с этим тридцать лет. Жена не знает. Дети не знают. А по ночам я слышу его голос». Она быстро отложила листок, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. «Зачем ты мне это показываешь?» – спросила она, не глядя на Даню.

Он подошел сзади, положил руки ей на плечи – привычный, успокаивающий жест. «Затем, что ты думаешь, будто твоя тайна – самая страшная. Будто ты одна не веришь, что тебя можно любить. Будто твоя мать, которая ушла, – это уникальная боль. Но посмотри вокруг, Ариша. Посмотри на эти листки. Люди страдают все. Каждый носит в себе что-то, что никогда никому не расскажет. Тайну, от которой хочется выть по ночам. И знаешь, что самое страшное? Не то, что они сделали или что с ними сделали. А то, что они всю жизнь носят это в одиночку. Потому что боятся, что если поделятся – их перестанут любить. Или не полюбят никогда». Он развернул ее к себе лицом. В его глазах стояли слезы – первый раз Ариша видела Данины слезы. «Ты не одна, – сказал он хрипло. – Никто не один. Все человечество – это огромная комната, полная людей, которые сидят в темноте и боятся включить свет, потому что думают, что в их углу – самое страшное. А на самом деле страшного нет. Есть только боль. И она общая».

Ариша смотрела на него, на эти стены, на тысячи чужих тайн, и чувствовала, как внутри что-то переворачивается. Она всегда думала, что ее проблема – уникальна. Что никто не поймет, как это – быть богатой и несчастной, красивой и одинокой, окруженной людьми и всеми

покинутой. Но здесь, в этой пыльной комнате, среди детских признаний и стариковских исповедей, она вдруг поняла простую, страшную и освобождающую вещь: ее боль не уникальна. Она – одна из тысяч. Одна из миллионов. И это не уменьшало ее страданий, но делало их... человеческими. Обычными. Такими, какие есть у всех.

Она взяла чистый лист бумаги, лежащий на столе, и ручку. Даня молча смотрел, не мешая. Ариша написала всего одну фразу: «Я боюсь, что меня нельзя полюбить просто так. Потому что даже мать меня не полюбила». Она положила лист в коробку, поверх других – тех, что были написаны до нее, теми, кто уже умер или еще жил, но тоже боялся. И ей стало легче. Не потому что тайна перестала быть тайной, а потому что она наконец признала ее вслух – даже если только на бумаге. Она повернулась к Дане и впервые за долгое время улыбнулась не грустно, а спокойно. «Спасибо, – сказала она просто. – За то, что показал мне, что я не одна. Что мы все немножко монстры в своих глазах и ангелы – в чужих». Он притянул ее к себе, поцеловал в макушку и прошептал: «Ты не монстр, Ариша. Ты человек. А люди имеют право бояться. Имеют право ошибаться. Имеют право надеяться, что их полюбят. Даже если мама ушла. Даже если отец не понимает. Даже если мир вокруг – сплошная боль. Право на любовь – единственное, что делает нас людьми. И это право никто не отнимет. Никогда».

Они вышли из комнаты, и Даня снова запер дверь ржавым ключом. Ариша оглянулась на дубовую дверь и подумала, что где-то там, среди тысяч чужих страхов, теперь лежит и ее маленькая тайна. Не самая страшная. Не самая важная. Но теперь – не одна. Она стала частью огромной книги человеческих страданий и надежд. И в этом было что-то утешительное, почти святое. Что бы ни случилось, она не одна. Никто не один. Даже блондинка, ищущая счастье, даже строитель с мозолистыми руками, даже мать, которая ушла, и отец, который не умел любить. Все они – просто люди. Со своими тайнами. Со своими снами. Со своими белыми лошадьми, которые бегут по пустынному пляжу навстречу солнцу. И может быть, именно в этом – главная тайна человечества. Не в том, кто мы и откуда пришли. А в том, что мы все одинаково боимся. И одинаково хотим одного – чтобы нас кто-то увидел. Настоящих. Без масок. И сказал: «Я с тобой. И никуда не уйду».

Глава 6.

Золотое ожерелье лежало на дне её сумочки, завернутое в мягкий бархатный мешочек, как спящая змея. Ариша не надевала его уже несколько месяцев – с того самого дня, как отец подарил его на её двадцать второй день рождения, торжественно застегнул замочек на её шее и сказал: «Ты теперь взрослая, дочка. Это ожерелье – наша память. Когда меня не станет, оно напомнит тебе, кто ты есть». Она тогда улыбнулась, поцеловала отца в щеку и почувствовала, как тяжелые золотые звенья давят на ключицы – не физически даже, а морально. Как ошейник. Как напоминание о долге, о крови, о том, что она – Шихова, а это значит, что она должна быть сильной, успешной, холодной. И никогда – слышишь, никогда – не позволять себе любить тех, кто ниже её по статусу.

Сегодня она достала его случайно, когда искала в сумочке зарядку для телефона. Мешочек выскользнул из бокового кармана и упал на пол студии с глухим, почти траурным стуком. Даня обернулся от плиты – он жарил яичницу, как делал каждое утро, и это стало их маленьким ритуалом – и замер. «Что это?» – спросил он, хотя уже понял. Ариша медленно развязала тесемки и высыпала ожерелье на ладонь. Оно засверкало в утреннем свете, бросая блики на стены, на потолок с желтым пятном, на лицо Дани, которое вдруг стало каменным. Это было старинное украшение – тяжелое, массивное, с крупными звеньями ручной работы и подвеской

в виде львиной головы. Семейная реликвия. Вещь, которая стоила больше, чем эта студия, больше, чем машина Дани, больше, чем всё, что он когда-либо имел.

«Это подарок отца, – тихо сказала Ариша, сжимая ожерелье в кулаке. – Он хочет, чтобы я вернулась. Каждый день звонит, каждую ночь пишет. Говорит, что я позорю фамилию. Что живу в какой-то конуре с каким-то...» Она замолчала, не договорив. Даня подошел ближе, взял её кулак в свои ладони и медленно, бережно разжал пальцы. Он смотрел на ожерелье долго, очень долго, как смотрят на змею, которую боятся тронуть, но не могут отвести взгляд. Потом поднял глаза на неё. В его взгляде не было злости. Не было обиды. Была только усталость – глубокая, выматывающая, как у человека, который давно знал, что этот день настанет, и просто ждал.

«Ариша, – сказал он тихо, – ты должна решить. Не для меня. Для себя. Это ожерелье – не просто золото. Это твоя прошлая жизнь. Та, где ты была куклой в витрине. Та, где тебя любили за деньги и ненавидели за то же самое. Я не могу просить тебя отказаться от этого. Потому что если я попрошу – я стану таким же, как они. Тем, кому от тебя что-то нужно. Но и терпеть, что ты носишь это в сумочке, как напоминание о том, что у тебя есть запасной аэродром... я тоже не могу». Он отпустил её руку и отошел к окну. Спинной. И Ариша вдруг увидела, какая у него широкая спина, какие напряженные плечи, как он сжимает подоконник так, что белеют костяшки. Он не оборачивался. Он боялся, что она увидит его слезы.

Ариша смотрела на ожерелье. Оно лежало на её ладони, тяжелое, холодное, красивое, и в его блеске ей виделось всё: квартира на Патриках, отец за ужином, который молчит и ест руками, мать, которая когда-то тоже носила это ожерелье и так же, наверное, сжимала его в кулаке, выбирая между любовью и долгом. Мать выбрала долг – и сбежала с тем, кто был ровней. А потом разлюбила и его. Потому что, наверное, нельзя выбрать любовь по расчету и при этом сохранить себя. Ариша вдруг ясно, до одури отчетливо поняла: если она сейчас уйдет – обратно, в ту жизнь, где всё знакомо, понятно и безопасно, – она никогда уже не сможет вернуться сюда. Не потому что Даня не простит. А потому что она сама себя не простит. Она всегда будет знать, что струсил. Что променяла человека, который видел её душу, на золотую безделушку, напоминающую о семейной гордости.

Она медленно подошла к нему сзади. Положила свободную руку ему на поясницу – там, где позвоночник образует мягкую впадину, и почувствовала, как он вздрогнул. «Дань, – сказала она шепотом, – ты знаешь, что я люблю тебя?» Он не ответил. Тогда она взяла ожерелье двумя руками и разорвала его. Не разжала замок – именно разорвала. Золото – мягкий металл, оно поддалось, звенья хрустнули и разошлись, мелкие колечки посыпались на пол, закатились под батарею, под шкаф, в щели между досками. Львиная голова с глухим стуком ударилась об пол и замерла, глядя в потолок пустыми глазами. Даня резко обернулся. Его лицо было мокрым – он все-таки плакал, этот сильный, молчаливый человек, который никогда не жаловался. «Ты что наделала? – прошептал он. – Это же память. Это же твой отец...»

«Это мой страх, – сказала Ариша. – Это ошейник. Я больше не хочу быть чьей-то собственностью. Ни отца, ни денег, ни прошлого. Я хочу быть твоей. Не вещью – человеком. А человек не носит ошейников». Она подняла с пола львиную голову, посмотрела на неё в последний раз и бросила в мусорное ведро. Золото звякнуло о жесть – резко, окончательно, как захлопнувшаяся дверь. Она повернулась к Дане, взяла его лицо в свои ладони, вытерла большими пальцами слезы с его щек и поцеловала. Не страстно, не жадно, а нежно, как целуют после долгой разлуки, когда слов уже не нужно.

«Я позвоню отцу сегодня, – сказала она, отстранившись. – Скажу, что люблю его. Но что жить буду так, как хочу я. Что он может лишиться меня наследства, отключить карты, вычеркнуть из завещания. Мне всё равно. У меня есть ты. И руки, которыми я могу работать. И голова, которой я могу думать. И сердце, которое наконец-то бьется ровно, потому что оно выбрало само». Даня молчал долго. Так долго, что Ариша испугалась – не перегнула ли, не показалось ли ему это слишком пафосным, слишком театральным, как в дешевых сериалах, которые она смотрела в детстве, когда няня запирала её в комнате. Но потом он улыбнулся. Не широко, не радостно – чуть-чуть, уголками губ, но в его глазах зажглось что-то такое, отчего у Ариши подкосились колени. «Яичница остыла, – сказал он хрипло. – Придется жарить новую». И она рассмеялась – громко, свободно, впервые за долгое время без горечи.

Они жарили новую яичницу вместе. Она стояла у плиты, он – сзади, обняв за талию, и они молчали. Золотые колечки валялись по всей студии, сверкали в щелях между досками, и Ариша знала, что будет находить их еще неделями – под подушкой, в кармане куртки, в ванной. И каждый раз, когда она будет находить очередное колечко, она будет вспоминать это утро. И то, как она разорвала свою прошлую жизнь собственными руками. Не потому что ненавидела отца или деньги. А потому что полюбила человека, для которого золото ничего не значит, а её слезы – всё. И это, наверное, и есть настоящее счастье. Не то, которое можно купить или надеть на шею. А то, которое просыпается с тобой в тесной студии, пахнущей яичницей и табаком, и смотрит на тебя глазами, в которых ты – не блондинка, не богатая наследница, не красивая кукла. Ты – просто Ариша. И этого достаточно. Более чем достаточно.

Глава 7.

БМВ тройка – серебристый седан с кожаным салоном цвета кофе и двигателем, который рычал как зверь, – ждал Аришу у подъезда всю ночь. Она заметила его только утром, когда вышла на балкон студии с кружкой дешевого растворимого кофе, зевая и шурясь на солнце. Машина стояла под старым тополем, капот блестел после ночного дождя, и в затемненных стеклах отражалось серое московское небо. Ариша узнала её сразу. Это был подарок отца на восемнадцатилетие – она тогда еще училась в школе, мечтала поступить на искусствоведа, а отец вручил ей ключи со словами: «Будешь ездить сама, без водителя. Ты уже большая». Тогда она обрадовалась, прыгала вокруг машины, хлопала в ладоши, чувствовала себя принцессой из диснеевского мультфильма. Но потом, год за годом, этот БМВ стал для нее символом всего, что она ненавидела: блестящая клетка на колесах, внутри которой можно плакать сколько угодно – никто не увидит.

Она не сразу поняла, что машина не просто стоит у подъезда. Внутри кто-то сидел. Силуэт на водительском сиденье был смутно знакомым – крупные плечи, короткая стрижка, рука, лежащая на руле так, как будто руль был продолжением этой руки. Сердце Ариши пропустило удар. Она поставила кружку на подоконник, натянула джинсы и Данину футболку и вылетела на улицу, даже не причесавшись. Пальцы дрожали, когда она открывала дверь подъезда – старую, скрипучую, с облупившейся краской, – и вышла на свежий утренний воздух, пахнущий мокрыми листьями и бензином. Она подошла к машине, постучала по стеклу. Оно медленно опустилось, и она увидела отца.

Илья Борисович Шихов сидел за рулем собственного подарка, и вид у него был такой, будто он провел здесь не одну ночь. Глаза красные, щетина серая, в уголке губ застыла какая-то нервная судорога. Он сжимал руль так, что костяшки побелели, и смотрел на дочь так, как будто видел ее в последний раз. «Папа? – Ариша даже отшатнулась. – Ты чего? Как ты нас

нашел?» Отец молчал несколько секунд, потом открыл дверь и вышел из машины. Он был выше нее на голову, крупный, тяжелый, и когда-то его фигура внушала ей только страх и уважение. Но сейчас он стоял перед ней – в помятой рубашке, с небритым лицом, с трясущимися руками – и выглядел не как олигарх, а как обычный стареющий мужчина, который боится потерять единственного ребенка.

«Нашел через знакомых, – сказал он глухо. – Частный детектив. Не смотри на меня так, дочка. Я волновался. Ты не брала трубку две недели. Я думал, ты в беде. Думал, этот твой... этот парень тебя похитил или что похуже. Я приехал спасти тебя. А ты...» Он замолчал, оглядывая ее с ног до головы. Немытые волосы, чужая футболка, растянутые джинсы, босиком – она выбежала без обуви, даже не заметила. И глаза – красные, опухшие, но спокойные. Спокойные, как у человека, который наконец перестал бояться. «Ты выглядишь ужасно, – сказал отец, и в его голосе прозвучало не отвращение, а что-то похожее на уважение. – Но при этом счастливее, чем я видел тебя когда-либо».

Ариша не знала, что сказать. Она стояла босиком на мокром асфальте, под холодным утренним ветром, и смотрела на отца – человека, который дал ей всё, кроме одного. Он дал ей деньги, машины, квартиры, образование в лучших школах. Но он никогда не давал ей права выбора. Каждое ее решение, каждый шаг, каждый вздох был под контролем – не потому что он был тираном, а потому что он боялся. Боялся, что она пропадет. Боялся, что мир раздавит его девочку. Боялся, что она повторит судьбу матери – уйдет с первым встречным и исчезнет навсегда. И вот сейчас он стоял перед ней, этот сильный, могущественный мужчина, и в его глазах был страх. Не за деньги. Не за репутацию. За нее.

«Пап, – сказала Ариша тихо, – я не в беде. Я в порядке. Я впервые в жизни в порядке. Даня – хороший человек. Он работает на стройке, он учится на архитектора, у него нет денег, но он... он видит меня. Понимаешь? Не мои волосы, не мои ноги, не мою сумочку. Меня. И я... я люблю его. Впервые в жизни люблю не за что-то, а просто так». Отец отвернулся. Он смотрел на серую панельную девятиэтажку, на облупившуюся краску подъезда, на грязные окна студии на девятом этаже, где теперь жила его дочь, и молчал. Молчал так долго, что Ариша начала дрожать – уже не от холода, а от напряжения. Она знала, что сейчас произойдет. Он скажет, что она глупая. Что она все бросила ради какой-то стройки. Что он лишит ее наследства. Что она пожалеет. Она была готова к этому. Она зажмурилась, сжала кулаки и приготовилась слушать.

Но вместо этого отец вдруг всхлипнул. Огромный, грузный, седой мужчина всхлипнул, как ребенок, и закрыл лицо руками. «Дочка, – сказал он сквозь плач, – я ведь тоже когда-то любил просто так. Твою мать. Я был бедным, нищим, никем. Она была из хорошей семьи. Все говорили, что я ей не пара. А она выбрала меня. И я клялся, что сделаю всё, чтобы она никогда ни в чем не нуждалась. Я построил империю ради нее. А она... она всё равно ушла. Потому что я перестал быть тем, кого она полюбила. Я стал этим... этим монстром в галстук, который считает деньги и не помнит, когда в последний раз говорил жене, что люблю ее. И я так боялся, что с тобой будет то же самое. Что ты выберешь бедного, а потом он изменится, или ты изменишься, или... или вы разлюбите друг друга. И ты останешься одна, как я. Я просто хотел защитить тебя. Я всегда хотел только защитить тебя».

Ариша смотрела на плачущего отца и не узнавала его. Этот человек – который на всех совещаниях держался так, будто мир у его ног, который увольнял топ-менеджеров одним взглядом, который никогда, никогда не показывал слабости – стоял перед ней мокрый от слез, трясущийся, потерянный, и говорил о любви. О той самой любви, которую она искала всю жизнь.

И она вдруг поняла, что они с отцом – одно и то же. Оба боятся. Оба не верят, что их можно любить просто так. Оба носят внутри себя белую лошадь, которая бежит по пустынному пляжу и говорит голосами тех, кто их бросил. Она шагнула к нему и обняла. Крепко, так, как не обнимала с детства. И он обнял ее в ответ – неуклюже, тяжело, но так отчаянно, будто она была всем, что у него осталось в этом мире.

«Папа, – прошептала она ему в плечо, – я не ухожу от тебя. Я просто хочу жить своей жизнью. Ты всегда будешь моим папой. Но я не хочу быть куклой в витрине. Я хочу быть человеком. И если ты правда меня любишь – ты поймешь. И примешь мой выбор. Даже если он тебе не нравится». Отец молчал, прижав ее к себе. Потом отстранился, вытер лицо рукавом – дорогая рубашка, испорченная слезами и соплями, – и посмотрел на нее красными, опухшими глазами. «А этот... Даня... он что, вообще не знает, что такое нормальная жизнь? Он может дать тебе то, к чему ты привыкла?» – спросил он хрипло, но в голосе уже не было злости – только усталое любопытство. Ариша улыбнулась. «Он дает мне то, чего у меня никогда не было, папа. Он дает мне себя. И этого больше, чем все твои машины и квартиры вместе взятые».

Отец посмотрел на БМВ – серебристый седан, который стоял у подъезда, напоминая о прошлой жизни. Потом перевел взгляд на панельную девятиэтажку, на девятый этаж, где на балконе дымилась забытая кружка дешевого кофе. И вдруг усмехнулся – горько, но беззлобно. «Ну что ж, – сказал он, доставая из кармана ключи от машины. – Тогда это тебе больше не нужно. Верно?» Он протянул ей ключи. Ариша посмотрела на них – маленькие, с логотипом BMW, такие привычные, такие родные. Она взяла их, сжала в кулаке, потом разжала и, не говоря ни слова, бросила в открытое окно машины. Ключи упали на кожаное сиденье и замерли. «Пусть пока постоит здесь, – сказала она. – Может, пригодится тебе. А я... я лучше пешком. Или на метро. Знаешь, там столько интересных людей. И у всех свои тайны. Свои белые лошади. Свои сны». Отец смотрел на нее долго, очень долго, а потом кивнул – медленно, как будто принимал что-то важное, что было больше него самого. «Ты стала взрослой, Ариша, – сказал он тихо. – Настоящей взрослой. Я, наверное, должен радоваться. Но почему-то грустно». Она снова обняла его, поцеловала в щетинистую щеку и пошла обратно в подъезд – босиком, по холодному асфальту, но ей было тепло. Потому что она наконец-то сделала выбор. Не между деньгами и любовью. Не между отцом и Даней. Между страхом и свободой. И свобода победила.

Глава 8.

Утро началось с того, что Ариша не смогла открыть дверь студии. Ручка не поддавалась – будто кто-то держал её с другой стороны, – и она уже хотела позвать Даню на помощь, как вдруг увидела в щель между дверью и косяком что-то алое. Живое. Пахнущее. Она нажала сильнее, и дверь поддалась с тихим треском – в проём посыпались лепестки. Тысячи лепестков. Алых, как кровь, как утренний рассвет, как первая любовь, о которой пишут в дешёвых романах. Ариша замерла на пороге, не в силах сделать ни шагу. Вся студия – весь этот маленький, тесный мирок, где пахло табаком и старыми книгами, – был утоплен в розах. Они лежали на диване, на продавленном кресле, на столе, на плите, на полу. Они свисали с книжных полок, торчали из кружек, лежали на подушке, где ещё минуту назад спала её голова. Воздух был таким густым от запаха, что кружилась голова, и Ариша почувствовала, как к горлу подступает комок – не от радости, нет. От страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.